

О белорусской литературе.

У Короленка в его истории о слепом музыканте есть поучительный рассказ о необычайном состязании прекрасного венского пианино и простой деревянной украинской дудки. Задумчиво-грустные напевы чудесной дудки поразили душу слепого мальчика. Мать его, ревнуя душу сына к мужику дударю, выписала пианино. Но «венскому инструменту оказалось не по силам бороться с куском украинской вербы. Правда, у венского пианино были могучие средства: дорогое дерево, превосходные струны, отличная работа венского мастера, богатство обширного регистра. За то и у украинской дудки нашлись свои союзники, так как она была у себя дома, среди родственной украинской природы... Ее ласкало украинское солнце, которое согревало и ее хозяина, тот же обдавал ее украинский ветер. Его учила несложным напевам эта природа, шум ее леса, тихий попот стеной травы, задумчивая, родная, старинная песня, которую он слышал еще над своей детской колыбелью». И милостивая панна, хотя ее тонкие пальцы были быстрее и гибче, мелодия, которую она играла была сложнее и богаче, должна была признать, что ее победил простой конюх с его глупой свистелкой. Она убедилась скоро, что в дудке есть настоящая поэзия. «Да,—думала она, про себя, побежденная и завоеванная в свою очередь,—тут есть какое-то совсем особенное, истинное чувство... чарующая поэзия, которую не выучишь по нотам».

Эта история приходит мне на ум всякий раз, как я думаю о белорусской литературе и лучше и иначе я не умею объяснить ее значение и смысл, как напомнивши про эту дудку и именно этими словами: тут есть какое-то совсем особенное, истинное чувство... чарующая поэзия, которую не выучишь по нотам». Что белорусская литература в теперешнем ее виде бедна, как дудка перед венским роелем, в сравнении с литературой Пушкина или Мицкевича, Шиллера или Мольера,—это знают всех лучше и сами белорусские поэты. Долгий гнет столетиями давил и давил Белорусию. В русскую литературу белорусе вошел таким, каким его зарисовал Некрасов.

Волосом рус

Видишь, стоит, изможден лихорадкою
Высокорослый, больной белорусс:
Губы бескровные, веки упавшие,
Язы на тощих руках,
Вечно в воде по колена стоявшие
Ноги опухли; колтун в волосах,
Ямою грудь, что на заступ старательно

Изо дня в день налегала весь век..

Где-же было такому мужику создать что-нибудь большее чем дудку? И ведь это исторические записки, а не стихи, говорят о проведении дорог белоруссами: белорусские крестьяне так несчастны, что вызывали сострадание даже русских

крепостных». Рабочий скот, отдаваемый помещиками сотнями и тысячами голов подярчикам для проведения дорог и каналов—эти мужики были чуть-ли не первыми крестьянами-пролетариями в России.

Но при всем том Белоруссия имеет свою литературу, развивавшуюся ненормально, шедшую кривыми путями. Новая литература Белоруссии ведет свой счет только с конца прошлого века—это еще молодая литература. Но в ней есть сила и упор, и музыка. И все это дано ей именно веками гнета.

Эта литература, как и мужицкая дудка, крепка и сильна прежде всего тем, что она сделана из той же материи, что и сам мужик. Она еще не отделилась окончательно от народной поэзии и, как плод в утробе матери, она еще питается теми же соками, что и простонародная песня. Это делает ее примитивной, ее мотивы не утонченны и изысканны, ее содержание не пышно и небогато, общечеловеческие думы в других литературах продуманы глубже и ярче. Но в хоре человеческих голосов у нее есть свой, незаменимый голос, простонародный и сильный. Недаром один из сборников стихов так и зовется: **Дудка белорусская**.

Эта литература прежде всего вся национальна. Она родилась под гнетом—и в ней развилось ответное, упрямое противодействие. Все поэты прежде всего и главным образом певцы своей родины, своего нищего в красоте края. И эта бедная природа перелесков и вереска, нищая красками и звуками, настраивает их дудку всегда на грустный лад.

Вербы, груша—сираница,
Низкарослы, цемны гай..
Гэта—ты, балот краіна!
Гэта—ты, палесскі край!

Поэтому их поэзия прежде всего лирика природы, белорусский пейзаж.

Но эти национальные мотивы, так тесно сцепленные с пейзажем, отмечены особенным и не совсем обычным характером. Они все неотделимы от социальных и политических мотивов. Белорусский национализм по историческим условиям—это поэзия социальных низов, пригнетенных классов, мужицкой горькой бедноты. Поэтому, говоря о своем крае, белорусские поэты этими словами говорят не только о родных осоках, не только о национальном возрождении своего народа и борьбе за независимость и счастье, но теми же словами они говорят об освобождении социальном, о перестройке не только маленького мирка болот, но и самых основ человеческого, черного, многовекового горя. И неудивительно, что в этой поэзии звучат голоса—пока, простые, но уже слышные—пролетарской поэзии.

Я рабочы—гарбар
Рыцарь працы цяпкой.
Я з жалезнай душой
З сэрцам зыркым, яе жар.

Ня хачу, ня прывык
Склаушы рукі хадзіць:
Я гарбар—працаўнік,
Я живу, каб рабіць!

И эти тройственные мотивы—народного пробуждения, природы и социального гнева—надо сказать разработаны большей частью в духе грустной, унылой элегии. И неудивительно:

Навясіолая старонка—
Наша Беларусь.

Все три ключа, из которых пила поэзия, не могли напоить ее вином веселья, но до пьяна напоила ее вином печали.

Ці ж я сэрцам не баюю?
Ці ж мне смутае ложка дауся?
Я сь певаю, як умею.

А пра радысьць пень—ня сдауся..
Но поэты давно знали, что это грусть не безысходная, не непобедимая. Они знали, что

Песьняй сэрцы врываю на часыці,
Толькі крапкі былі б струны.

И они начинают петь песни борьбы, призывы к силе и мощи, обнадеживающие бодрые песни.

Мы дружна устаням с касамі, с сярпамі,

Прагонім зямлі палачоу,
Няхай нас сустрэнуць палямі,
Лясамі,

Грамады працоўных людзёу.

Этими беглыми замечаниями, конечно, ни в малой степени не исчерпывается белорусская поэзия. Я не назвал ни одного дорогого для этой литературы имени. Я умышленно упростил дело. Но суть, мне кажется, намечена верно.

Есть у одного из поэтов очень символическое стихотворение, перевод которого печатается в этом же номере. Это «Слудские ткачихи». Крепостные ткачихи в барском доме посажены ткать персидские узоры, но забывавясь ткет рука, взамен персидского узора, родимый образ василька. Вот это же случается и со всеми почти поэтами: всякий узор они сведут в конце концов на родимый образ василька. И именно этим васильком, этой бессознательной связью с родной землей, с ее сердцем, сильна и дорога эта белорусская дудка.

Но в истории Короленка победило все-таки пианино. Пианино победило, в конце концов, дудку. Как? Оно само—или вернее—игравшая на нем пани переняла у дудки ее задушевность, ее это особенное, ее поэзию, и это же самое зазвучало мощно и сильно, и трепетно на инструменте венского мастера. И белорусской литературе пришла своя пора переносить напевы дудки на ролях. При этом ее главной заботой должно быть: не утерять аромата родимого василька и овладеть сложной музыкой современной поэзии—в ее темах и в ее струнах.